

МАРИНА М. ВАЛЕНЦОВА:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ МАРА И УПЫРЬ

51

Собирая в поисках этимона как можно более полный список реализаций праславянского корня во всех славянских языках (а также генетически родственных балтийских, германских, иранских), уделяя особое внимание семантике отобранных слов, этимологи уже давно, сначала спонтанно, а потом целенаправленно начали обращать внимание на этнокультурный контекст исследуемых слов.

Как подчеркивали в докладе на VIII съезде славистов Н.И. и С.М. Толстые, «культурно-исторический контекст, в котором реально функционирует или функционировало слово, становится дополнительным источником, а в ряде случаев и решающим критерием реконструкции исходного значения слова и направления его семантической эволюции. Перспективность такого подхода в этимологии, в особенности для архаического пласта мифологической лексики, после ряда недавних работ не нуждается в доказательстве» (Толстой-Толстая 1978: 365). С тех пор появилось множество других работ, использующих подобный подход, в первую очередь, труды О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова (см., например: Трубачев 2004, 2008, 2009, Иванов-Топоров 1974, Иванов 1983, Топоров 2004) и ряда других лингвистов.

В свою очередь и этнолингвистика немислима без этимологии. Занимаясь в числе прочего поиском «этимологии верований», мотивировок архаичных представлений, тех ментальных связей между вещами, которые стали культурными константами, – то есть реконструкцией прасмыслов, прамотивировок, прасимволов¹, этнолингвисты пользуются также этимологической реконструкцией праслова (праформы) и его празначения, поскольку, по словам О. Н. Трубачева, «... именно этимология уполномочена дописывать историю лексических значений и реконструировать дописьменный период этой истории ...» (Трубачев 2004, 1: 124).

Этимология привлекается для выяснения культурной семантики слов, символики реалий традиционной духовной культуры – на основе их названий и названий обрядовых действий, которые с ними совершаются.

1 О проблемах реконструкции древней славянской духовной культуры и семантической реконструкции культурной лексики см.: Толстой-Толстая (1978), Толстой (1979, 1985, 1989), Толстая (2008: 176–225) и др.

Примером такого подхода могут служить работы Н.И. и С.М. Толстых по этнолингвистике (Толстой-Толстая 1993, Толстой 1997: 306–438, 1995: 364–372, 383–428, Толстая 2006, 2007, 2008: 50–174, 275–332, 347–466 и др.), исследования их коллег и учеников (Журавлев 2005, Плотникова 1994, 2004, 2006, Седакова 2003, Усачева 1977 и др.), других авторов, работающих в этом направлении (Хобзей 2002, Антропов 1998, 2004, 2013, Березович 2007, 2010, Зубов 1982, 2010, Климова 2008 и др.).

К областям, где пересекаются интересы этимологии и этнолингвистики, относится мифология – одна из наиболее древних систем познания и оценки мира. Мифологическая лексика давно привлекает внимание ученых, в том числе с точки зрения этимологического анализа. Некоторые термины получили убедительную этимологию (например, *raroh*, *rarach* – см. Трубачев 1967, там же (с. 64–65) подробнее о результатах изучения этого слова В. Махеком)², этимология других слов до сих пор точно не установлена. Не существует единого мнения о том, следует ли различать корни *tar-* и *tor-*, или они восходят к одному этимону, и к какому именно (см. ЭССЯ 17: 206–207; ЭССЯ 19: 214, Dukova 1983: 30–36), есть две этимологии мифонима *волколак*, *волкодлак*³; многочисленны попытки этимологизировать название мифологического персонажа *упырь/опырь/упир* (см. об этом ниже); продолжают появляться этимологии имени з.-слав. домового и духа-обогатителя словац. *škriatok*, чеш. *skřítek*, пол. *skrzytek*⁴.

В данной статье предложены этнолингвистические или этнокультурные комментарии к двум терминам народной демонологии, которые не имеют общепризнанной этимологии. Этнолингвистические данные могут быть использованы для аргументации в пользу той или иной этимологической версии упомянутых слов.

- 2 «Западнославянское *rarogъ* было, бесспорно, одним из таких элементов, никогда не известным прочим славянам, и мы трактуем его как праслав. диал. **rarogъ*» (Трубачев 1967: 66).
- 3 Традиционная этимология: *vlkodlak* < **vlk* ‘волк’ + **dlaka* ‘шкура’ – и выдвинутая и разработанная В. Н. Топоровым и В. В. Ивановым, предполагающая сложение слов со значением ‘волк’ + ‘медведь’ (см. Топоров 1984, Иванов 1975, 1983, 2007, 2008).
- 4 По одной из версий слово происходит из нем. *Schrat* ‘злой лесной человечек’. Другая на основании лингвистического (зап.-морав. *skřítkovat* ‘копошиться, делать что-либо украдкой, как *škřítek*’, укр. *ховати*, *виховувати* ‘воспитывать’ и ‘скрывать, прятать’, словац. *chovať* ‘содержать, выкармливать, заботиться’) и этнографического (укр. *хованец* также высиживается из яйца черной курицы и т.п.) материала предполагает связь имени *skřítek* с чеш. *krýt* ‘выводить, заботиться’ и ‘скрывать’ (Зубов 1982: 138, 2010: 118). С точки зрения реализации значения ‘скрываться, укрываться’ показательно поверье, записанное Ф. Бартошем, что *střítek* – это чертик, который скрывается от грома (молнии) и прячется у человека за пазухой (*skřítek, ten čertík, před hromem sa krýje a krýje, a fuk člověkovi pod pažu, a hrom ho zabije* (цит. по: Зайцева 1975: 107)), хотя здесь не исключено влияние «народной этимологии».

1. Мара-мора

По данным ЭССЯ, **mara* – «трудное слово. Наиболее известны две различные его интерпретации. Согласно одной, **mara* (русск., польск.) толкуется как аблаут к **mora* (см. цслав. *mora* ‘*мага*’ и др. слав. соответствия со значениями ‘кошмар, удушье; колдунья, ведьма’), далее – к др.-исл., др.-англ., др.-в.-нем. *mara* ‘кошмар, удушье’ (так I. Franck <...>, против Solmen <...>). Шустер-Шевц также считает **mara* <...>, интерпретируемое как **mōra* к **mōra*, восходящим к гнезду **merti*, **mogъ* и имеющим те же германские соответствия <...>. Ф. Славский отвергает предлагаемую Младеновым версию относительно связи болг. *mará* ‘налягане на сън’ с *morá* (к праслав. **merti*, **mogъ*), считая ее семантически неправдоподобной <...>. Однако преобладающей в настоящее время, по-видимому, является другая гипотеза, согласно которой **mara* считается производным с суф. **-gā-* от того же корня **ma-*, от которого образованы **matъ* (см.), **mamiti* (см.); **mapъ* (см.), **maniti* (см.) (<и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать украдкой; морочить, обманывать, колдовать’)» (ЭССЯ 17: 206).

Слово **mora* сближают с «др.-сев., др.-в.-нем., др.-англ. *mara* ‘кошмар, привидение’, нов.-в.-нем. *Mahr* ‘ночное удушье’» (Berneker, Преображенский, Фасмер, Machek, Bezlej), Брюкнер «против сопоставлений как с *mara*, так и с *mōr*». Франк допускает связь со ст.-слав. *mara*, польск. *mara* и др. на основе чередования гласных. «Это мнение разделяет и Шустер-Шевц, который принимает далее родство данных слов с праслав. **mor* ‘смерть’». Так же ЕСУМ и У. Дукова (ЭССЯ 19: 214).

Попытку ревизии этимологических версий данных слов предприняли сербские ученые М. Белетич и А. Лома в докладе на конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2012 г.; Белетич–Лома 2012). Они рассмотрели существующие до сих пор этимологии, в которых эти корни объединялись или разводились по разным этимологическим гнездам; проанализировали первые свидетельства с упоминанием этих слов и некоторые древние фольклорно-мифологические представления о персонаже с этим именем; привели параллели Море/Маре в индоевропейской традиции; обратили внимание на связь исследуемого персонажа с культом мертвых, а также на параллелизм названий мифологического персонажа и божьей коровки. Авторы пришли к убедительному выводу, что «кажущееся смешение омонимичных корней на самом деле является отражением древней полисемии» и принимают, вслед за В. Н. Топоровым, реконструкцию «для определенного периода и.-е. праязыка единое гнездо **mer-*», в которое включают корни

54 Валенцова *mer- ‘умирать’ (из значения ‘исчезать’, отраженного в хеттском), *(s)mer- ‘наделять’, *ma- < meH₂- ‘махать’, (H)merH- ‘сверкать’.

Данные славянской народной демонологии не противоречат такому выводу, скорее, подкрепляют его. На обширных территориях, населенных славянскими народами, корни *mar-/mor-* в поверьях, быличках, в народной фразеологии имеют разные значения, которые, однако, логически взаимосвязаны и взаимно мотивированы: ‘mareво, видение’ ↔ ‘привидение, дух’ ↔ ‘дух, который давит во сне’ ↔ ‘страшный сон, кошмар’ ↔ ‘ночное удушье, приписываемое колдовству’ ↔ ‘колдунья, вызывающая кошмары’ ↔ ‘вампир’ ↔ ‘боль и злое существо, вызывающее эту боль’ ↔ ‘невидимое женское существо’ ↔ ‘давление, беда, зло’ ↔ ‘чума, эпидемия, мор’.

Все многообразие славянских демонов, называемых именами *mara* и *mora* и их производными, в целом сводимы к единому образу со следующими характерными признаками: неопределенное (бесформенное, невидимое) существо, появляющееся ночью, наваливающееся во сне, давящее (душащее) людей, часто приводящее к смерти. Вариации и/или развитие этого основного комплекса значений реализованы в направлениях: ‘болезнь’, в том числе ‘болезнь скота’; ‘ведьма’, также в ипостаси ‘ночная бабочка’; ‘ночной кошмар’; ‘домовой дух’; ‘душа «нечистого (заложного)» покойника’, ‘вампир’ (хотя возможно и обратное направление мотивации: ‘болезнь’, ‘ночной кошмар’ > персонаж, вызывающий эту болезнь). Основная сема в значении конкретных персонажей – ‘смерть’⁵.

Плодотворность привлечения этнографического материала при исследовании мифонимов можно проиллюстрировать примером описания в ЭССЯ однокоренного с *mara/mora* имени Марены/Морены, чучела, куклы, наряжаемой и уничтожаемой на масленицу или Ивана Купалу. Варианты ее имени объединены в одну статью **marěna I/*morěna*; для них «наиболее вероятным представляется толкование в связи с слав. гнездом *mer- ‘умирать’, см. *merti, *mьrъ, *morgъ ‘умирать; смерть, мор’ (< и.-е. *mer-, merā ‘умирать’), причем, очевидно, *morěna > *marěna (o > a, удлинение). Показательно, что в чешских говорах синонимами слов *mařena, mořena* служат *smrtř, smrtnica, smrtelnička, smrtolka, smrtka* <...> см. еще польск. диал. *mór = marzana* ...» (ЭССЯ 17: 210). Далее говорится, что исходя из се-

5 В том числе для рус. кикиморы, которая «прядет» оставленную хозяйкой без благословения пряжу, но не прядет, а только рвет нитки, пачкает и плюет работу. В мифологическом смысле нить – символ человеческой жизни, полотно – символ жизненного пути, одежда – символ и заместитель в обрядах самого человека; поэтому поговорка «От кикиморы рубахи не дожدهшься» вполне вписывается в мифологическую символику смерти.

мантики обряда, такое объяснение естественно, поскольку кукла представляет собой символ зимы и смерти.

Учитывая результаты последних исследований М. Белетич и А. Ломы и этимологическую трактовку имени **marĕna/morĕna*, есть основания принять и для слов **mara/*mora* этимологию, возводящую их к единому этимону.

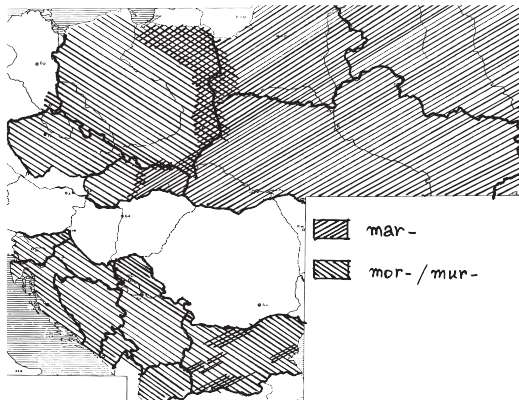
Вместе с тем интересные данные дает география распространения терминов с корневыми гласными *o* и *a*⁶. Вырисовываются отчетливые ареалы распределения корневых реализаций.

На восточнославянской территории в украинских, белорусских и большей части русских диалектов представлены почти исключительно реализации корня *mar-* (см., например, ЭССЯ 17: 205–206, Власова 1995: 235–240, Новичкова 1995: 359–361), *mor-* становится заметен лишь в русских говорах, главным образом, северных и восточных. На западнославянской территории преобладает корень *mor-* с вариантом дальнейшего сужения гласного – *mur-/mŭr-* (в зап.-словац., морав., чеш. и серболуж. диалектах) и «переходных» вариантов типа *mŭor-* в пол. говорах (ЭССЯ 19: 212–213, Budziszewska 1991: 17–18). В южной Славии, по данным ЭССЯ (19: 212) и др. источникам, представлен корень *mor-*, кроме болгарских диалектов, где распространены оба корня, а также *mur-* (также см. Дукова 1980, Dukova 1983: 30–36).

На обобщенной и не претендующей на точность карте-схеме (см. ниже) показаны ареалы преимущественного распространения лексем с корнями *mor-/mar-* в разных значениях (картина станет еще более выразительной с учетом данных окружающих неславянских языков). Конечно, на территории преимущественного распространения одного корня фиксируются и слова с другим корнем. Например, в нижнелужицком зафиксировано также и *mara*, а в укр. *мора* (оба без указания места), корень *mar-* изредка встречается в чешском; в русском представлена также *мора* (твер., сарат., арх. енисей. обл. – СРНГ 18: 254) и достаточно широко

6 «Лингвистическая география сказала очень много нового и ценного для этимологии, выдвинула ряд положений, значение которых трудно переоценить: каждое слово представляет собой индивидуальный в известном смысле продукт истории развития и географического распределения форм; соотношение форм, которое застает в определенный момент лингвист-наблюдатель, как правило, чуждо какой бы то ни было случайности, но объяснимо в свете данных истории, культурных влияний и взаимоотношений форм между собой; границы диалектов и вообще языковых территорий имеют относительное значение и не могут служить препятствием для распространения общих слов и форм, отсюда следует важный вывод о необходимости изучения внешней взаимозависимости лингвистических систем» (Трубачев 2004, 1: 212).

56 Валенцова известно слово *кикимора* (никол., вологод., новгор., перм., уральск., олон., тобол., орл., рязан., сарат., сиб., яросл., сев.-двин., вят., твер. – СРНГ 13: 205). На основании доступного материала не всегда можно судить о частотности и весе этих слов

в каждой конкретной традиции. Часть таких «исключений» поддается объяснению с учетом диахронии, например: *mog-* в северных и восточнорусских говорах – миграционными потоками заселения с юго-запада⁷; смешение обоих корней в болгарском можно объяснить миграцией на Балканы славян – носителей различных диалектов (давно

известны украинско-болгарские и украинско-сербские изоглоссы⁸, в настоящее время исследования карпато-балканских схождений продолжают разрабатываться на разных языковых уровнях⁹).

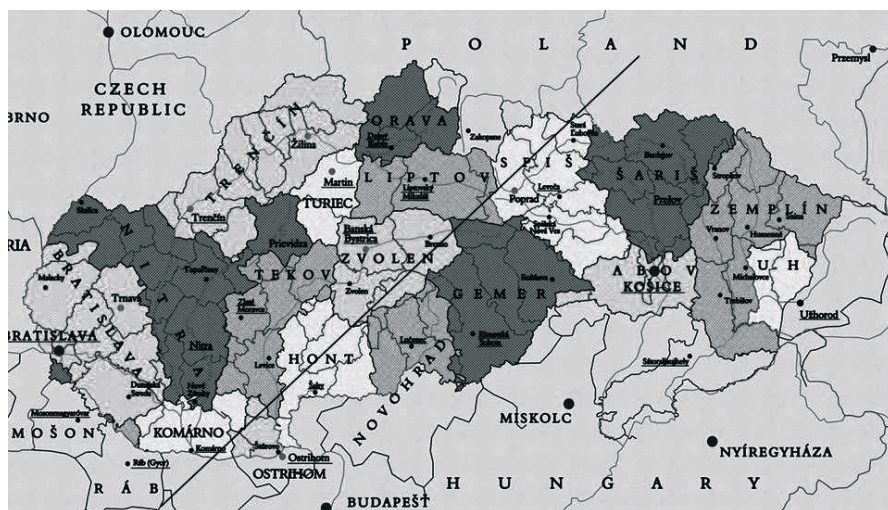
Переходная зона, разделяющая ареалы корней *mar-* и *mog-* на территории современной Словакии располагается полосой с северо-востока на юго-запад. В восточной Словакии и на юге среднесловацкой области в качестве имени мифологического персонажа представлен термин *mará*¹⁰: в Земплине (Собранце, Гуменне – SSN 2: 188), на Спише (окр. Попрад – Michálek 1989: 283, SSN 2: 188), Верхнем Спише (окр. Стара Любовня – AT ÚEt, inv. č.790/A), в Замагурье (Blagoeva-Neumanová 1976: 115–116, собственные записи), в Гемере-Малогонте (GM: 371), Текове (окр. Кремница – SSN 2: 188); Погронье (окр. Зволен – SSN 2: 188).

7 См., напр.: Васильев (2013), где на основе анализа севернорусской топонимии и гидронимии обосновывается версия о направлении заселения Северо-Западной Руси из Галицко-Волыньских земель через Полесье и Верхнее Поднепровье (с. 22–25, 28); «сравнительно поздняя русская топонимия Русского Северо-Запада» локализуется «в том числе на землях позднего русского заселения ... вплоть до Урала и Сибири», Среднего Поволжья, юга Европейской России (с. 29).

8 Обзор истории и проблематики карпатско-южнославянских исследований до 1984 г. см. Нимчук (1988).

9 См., напр., сборники: КБДЛ, КБДЛ 2.

10 Для наших целей в качестве географических помет достаточно указание на крупный исторический регион; перечень лексем и источников не претендует на полноту и является, скорее, экзemplификационным; подробнее о географии *more/mare* см.: Валенцова (2013: 318–321).

Для Западной и северной части Средней Словакии характерны термины *tora* и *tura*, напр.: *tora, tura* (Тренчин, Мыява, Кисуце – SSN 2: 188, AT ÚEt, č. 578B), *počítí tura* (Загорье, Скалица – SSN 2: 188); *tora* (Поважье – окр. Поважска Быстрица – SSN 2: 188), *tora* (Кисуце, окр. Чадца – AT ÚEt, č. 578B), *tora* (Орава, окр. Дольный Кубин, окр. Трстена – SSN 2: 188, собственные записи), *tora, tura* (Липтов окр. Липт. Микулаш, окр. Ружомберок – SSN 2: 188, собственные записи), *tora, ztora* (Зволен, окр. Б. Быстрица – SSN 2: 188), *tora, ztora* (Верхнее Погронье – Horehronie: 330, AT ÚEt, inv.č. 763, 168, собственные записи), *tora* (Гемер-Малогонт – GM: 371), *tora* (Верхний Спиш, окр. Стара Любовня – AT ÚEt, inv.č. 790), *utornica* (Спиш – Michálek 1989: 283), *tura* (Новоград, окр. Лученец – SSN 2: 188).

Смешение имен *tara/tora* наблюдается в переходном поясе, в частности, в Замагурье, на Верхнем Спише, Верхнем Погронье, в области Гемер-Малогонт.

С таким распределением корней *tor-/tar-* на территории Словакии согласуется и карта, составленная В. Важным (Vážný 1955, тара ч. 3) для энтомологических названий с этими корнями: названия бабочек с корнями *tor-* и *tur-* (*tora, tor, torka, ztora, sajtorka, ratimorská raní, túra, tura, tur* (m.), *kanitura*) широко представлены в Западной (Загорье, Мыява, Поважье, Понитрие) и в Средней Словакии, особенно в ее северной части (Липтов, Погронье, Турец), единичные названия – в Гемере (на среднесловацком юге). С корневым *a* зафиксировано только одно название бабочки – *slerá tara* – в трех пунктах: в р-не Банской Быстрицы, Зволены и Жарновицы (в стóлицах Зволенской и Тековской), то есть в «зоне

58 Валенцова смешения». В этом же переходном поясе зафиксировано и название бабочки *тига* (Спишске Теплице, Летановце – сев. часть Спиша).

Проблема распределения терминов **тага* и **тога* на славянской территории пока остается нерешенной¹¹.

2. Упырь – вампир

Этимологические словари славянских языков не предлагают какой-либо определенной версии этимологии слова *упырь*, перечисляя лишь существующие гипотезы.¹² Трудность этимологизации связана с большим количеством вариантов слова, в котором варьируют практически все фонемы, ср.: рус. *упырь*, *упирь* (Фасмер 1986–87, 4: 165); др.-рус. *упирь*, *опыр*, *впыр*, *упыр* (Преображенский 1910–14: 64), укр. *упир*, *опир*, *опир'*, *опирер'*, *опер'*, *пир*, *упир'*, *упір*, *ўпир'*, *вопир* (Хобзей 2002: 142, 145–147), блр. *вўпар* (ЭСБМ 8: 225), *упір*, чеш *upír*, слц. *upír*, пол. *upiór*, *wupiór*, ст.-пол. *upierz*, пол. диал. *lupiór*, *wupiór* (Machek 1968: 669), *wąpierz* (Baranowski 1981: 51), кашуб. *łupi*, *łąpi*, *opi* (Sychta: 30, 330), болг. *въпир*, *вепир*, *вапир*, *ляпир* (БЕР 1: 117), *вампыр*, *вепыр*, *вжпыр* (Геров: 105), *вапирин*, *въпер*, *вопер*, *випир*, *йепир*, *влепир(ин)*, *лепир(ин)*, *лампир*, *лемпир*, *лемптур*, *липир*, *липирь*, *липирин*, *упир* (Dukova 1985: 39–40), с.-х. устар. *upir*, *upirina*.

Существует более десятка этимологий термина *упырь*. Практически все исследователи этого слова сходятся в том, что оно образовано при помощи префикса; чаще всего префикс этимологизируют как *q-*. Основные версии этимологии корня основаны на разных признаках, приписываемых *упырю*: **pyr-* ‘огонь, жар’ и реконструкция первичного значения как «несоженный» (покойник); **per-* ‘летать’ и сближение слов *упырь* и *нетопырь*, где префиксу *y-* (< *q-*) приписывается отрицательное значение («не-птица»); **př-* ‘втыкать, вонзать’ и попытка мотивировать название *упыря* его свойством «впиваться, пронзать» жертву, чтобы выпить

11 Возможно, следовало бы учесть также возможность влияния на распространение корней *tag/tog-* у славян и в Восточной Европе в целом буддийского образа Мары (санскр. и пали *māra* ‘убивающий, уничтожающий’), западно-европейской Мары, злого духа, воплощения ночного кошмара (англ. *nightmare*, фр. *couchemar*) (МНМ 2: 109–110) и греч. *μάρα* ‘einer der Namen des kindertötenden Gespenstes Gello’ (Dukova 1983: 30).

12 См. Фасмер (1986–87, 4: 165), Преображенский (1910–14: 64), Аникин (2012: 42–45), Holub–Korečný (1952: 403); Machek (1968: 669), Brückner (1927: 594), ЕСУМ 6: 38–39, ЭСБМ 8: 225, Skok (1971–74, 3: 564) и др. Й. Рейзек, приводя возможные праформы **pyrurь*, **pripь*, **upirь* и др., высказался определенно: «Неясное. Разнообразие форм и неясная мотивация наименования не дают возможность предложить убедительное объяснение» (Rejzek 2001: 692).

ее кровь (хотя возможно было бы и обратное направление мотивирующего действия – пронзание колом тела самого вампира, т.е. нарушение целостности трупа, что препятствовало бы его «хождению»); предлагалась также версия заимствования корня из тюркских языков (башкир., татар. *убыр* ‘злой дух, ведьма, демон’ и др.).

Литература об упыре, и этимологическая, и этнографическая, огромна.¹³ Вместе с тем, признаки, на которых построены известные этимологии, не являются характерными только для данного персонажа. Сжигание трупа вампира как последнее и радикальное средство избавления от его вредоносного воздействия (после предшествующих: обсыпание маком, вкладывание в рот монеты или камня, вынос гроба через окно, пробивание груди колом, подрезание жил на ногах, переворачивание вниз лицом и т.п.), не специфично для борьбы с его «хождениями», это универсальный способ уничтожения опасных или нежелательных реалий и явлений – см. статью *Уничтожение ритуальное* (СД 5: 371–373). Связь вампира с птицей вообще чрезвычайно редка: одно из таких немногочисленных свидетельств, приведенное ниже, показывает, что эта связь формальная и типологически принадлежит к другой сфере: это мотив опасности зрения (и голоса) «заложных» покойников и вообще нечистой силы¹⁴; требование сюжета «заставляет» вампира забираться на колокольню или превращаться в птицу, чтобы с высоты как можно дальше увидеть (или «покрыть» голосом) и тем самым убить больше людей. Мотив полета души ведьмы (или двоедушника, моры, покойника и под.) в виде птицы или бабочки¹⁵ не может быть использован в качестве семантического аргумента, поскольку направление мотивации в данном случае обратное: энтомологические названия сами мотивированы именами мифологических персонажей (см. Vážný 1955).

Обширный корпус этнолингвистических данных дает возможность предложить еще одну гипотезу происхождения названия персонажа *упырь*, а именно: возможность возводить его к глаголу **piti* ‘пить’ < **pōi-/ *pī-* (Фасмер 1986–87, 3: 269) с суффиксом *-rъ* (аналогично, например, **žir- < *ži-ti*, **mīr- < *mei-/mī*; **mar- < *ma-niti*, **ma-miti*; или аналогично бел. *павадыр*, рус. *поводырь*, укр. *поводирь < povoditi + yr’* (ЭСБМ 8: 87).

13 См., напр., СД 1: 281–286 (там лит.), Спировска–Вражиновски 1988, Плотникова (2004: 212–218, 634–645), Новичкова (1995, 547–551), ELKS: 277–278 и др.

14 Ср.: “Najwięcej ludzi umiera, gdy za sprawą upiора zwoŃ same jidą Sy III 330, IV 25 (por. głuŃ. zwoŃy du ‘dzwonia’ Trof 455), poniewaŃ jak daleko słychać ich głuŃ, tak daleko ludzie umierają” (Treder 1989: 85).

15 Ср., напр.: болг. *мора*, душа ожившего нечистого мертвеца, летает в виде птицы и бабочки, мучит спящих, высасывает кровь, как вампир (БМ: 219).

Упырь – нечистый покойник, встающий из могилы и сосущий кровь, молоко у людей и животных, сок из деревьев, то есть жидкую субстанцию, являющуюся и реально, и символически их жизненной силой. Эта субстанция дает вампиру дополнительную жизнь, в то время как донор чахнет, сохнет и умирает. Ср. текст, записанный в восточной Словакии: *Ked' telo nezmeravie po smrti, mrtvý chodí dobytok piť. Vracajúci sa mŕtvu cicia krv dobytku, takže tento zdochne. <...> Ked' sa premení na vtáka, koľko dedín "zapatrí" (zazre), všetky sú jeho a spíja všetko* (Vyšné Revište, okr. Sobrance – АТ ÚЕt č. 50, зап. J. Mjartan, 1949).

В основе образа упыря лежит один из наиболее древних концептов мировосприятия: магические действия отбирания, кражи чужого «благополучия» (сюда входят: здоровье, богатство, включая урожай на полях и приплод скота, счастье, то есть любовь и удача, и сама жизнь) часто кодируется глаголами *пить, выпивать, высасывать* (см. СД 4: 56–57): ведьма тянет, высасывает (= отбирает) молоко у коров (в.-слав.), в том числе собирая до рассвета полотном росу с чужого поля, затем давая выпить своей корове; у выдаиваемой ведьмой коровы пересыхает вымя, она чахнет и погибает (рус. – Власова 1995: 73); ю.-слав. воздушный змей ламя высасывает воду из озер, вызывая засуху (болг.), у сербов дракон аджаја, приводящий тучи и град, защищает свое село от града, если его поить молоком (Плотникова 2004: 670), он же выпивает урожай (макед. – там же: 231); молоко у рожениц пропадает, потому что его выпивают вредоносные демоны (ю.-слав., з.-слав.); болг. летающий змей может выпить жизненную силу девушки или женщины (ассоциирующуюся с кровью), отчего после его посещений она чахнет, сохнет, бледнеет и умирает; души умерших супругов могут приходиться к оставшимся в живых и иссушать их до смерти; по южнославянским поверьям, души некрещеных детей (*навје, навђе*) выпивают кровь у новорожденных и кровь и молоко рожениц («ее выпили навјата» – там же: 241, 690) и под. Ср. также сохранившееся в языке выражение нежелательного или принудительного лишения человека силы: рус. *выпить (высосать) всю кровь (все силы); пить глазами; выжать все соки*, вплоть до поэтического есенинского «пускай ты *выпита* другим ...».

Точно так же вампир лишает людей и животных жизни, основной субстанцией которой является кровь (о концепте *кровь* – см. СД 2: 677–681).

Истоки этих разнообразных народных верований коренятся в убеждении, что умершие вообще (и особенно умершие преждевременной и неестественной смертью – опойцы, висельники, утопленники) – страдают от жажды. Поэтому у славян в рамках похоронной и поминальной обрядности широко распространена практика оставлять для душ умерших

стакан воды в доме, на окне, во дворе, на могиле, поливать могилу водой, вином (свидетельства многочисленны у восточных и южных славян (см. ПА ИСл РАН, Плотникова 2004: 606, 607, СД 4: 57, и др.), у западных славян они в определенной степени нивелированы церковными запретами.

Упырь как «нечистый» покойник тоже принадлежит к жаждущим. Немаловажная семантическая составляющая образа *упыря-вампира* – это обладание большим количеством жизненной силы еще при жизни, отчего оставшаяся, неистраченная, неизжитая ее часть сильнее и дольше связывает его с земным миром (и тем brutальнее его нападения на живых). Вампирические свойства приписывались людям со сверхъестественными способностями и особыми приметами (ведьма, колдун, лекарь, двоедушник; ребенок, родившийся с зубами или «в рубашке»); душам людей, не доживших свой век, поэтому не истративших всех данных им сил; покойникам, похороненным с нарушением правил, напр.: через тело переступил человек, перепрыгнуло животное, перелетела птица; над телом передали какой-либо предмет – с магической точки зрения, такому покойнику сами живые по ошибке «передали» жизненную силу, отчего он начинал «ходить», то есть жить.

С этнокультурной и семантической точек зрения *упырь* – это тот, кто *упивается* (выпивает, отпивает, наливается, надувается) кровью (или другой жизненной субстанцией), отбирая ее у живых.

Объяснение имеющихся славянских форм имени вампира фонетически и морфологически довольно трудно. Само многообразие форм можно было бы объяснить длительной историей существования слова, огромной территорией его распространения и смешением его с другими, близкими по звучанию корнями, имеющими с ним общие семы (напр., с корнем *рѣр- ‘впиваться’, ‘пронзать’, ‘протыкать’, поскольку вампир *упивается*, *вонзается* жертву),¹⁶ законами развития отдельных славянских языков, воздействием на них соседних неславянских языков (возможно, колебания *и/ы* в корне или отвердения конечного согласного в рус. и укр. *упирь/упырь/упыр* связано именно с влиянием тюрк. *убыр*) и т.п.

Чередование в анлауте в славянских диалектах (*упир/опир/въпир/вапир/лєрї/орї/ѡрї/ѡрї/гоѣ* и т.п.) можно объяснить фонетическим переходом *р*- (если принять как начальную форму **рpиrъ*) в *у*- (*упир*), из

16 Напр., бел. *вупар* объясняют как контаминацию слов *упыр* ‘кровосос, вампир’ и *ўпїраца* ‘упрямиться’ (ЭСБМ 8: 225). Ср. аналогичный случай в ряду мифологических имен: «Напр., *намной* – дух, который наваливается во сне и оставляет синяки на теле, что является предвестием несчастья (яросл.). Другой вариант этого персонажа – *навной* (калинин.) – позволяет установить связь со словом *навь* (*навье*) ‘мертвец, покойник’» (Черепанова 1983: 49).

62 Валенцова которой затем делабиализацией – в *o-*(*nip*); протетическим начальным *v-* (*vopirǫ*) объясняется переход в *vam-*(*nip*), *va-*(*nip*), *въ-*(*nip*) (на разных этапах действия фонетических законов), протетическим *l-* – формы *lepír*, *цєрі*, *цорі* и т.д. Возможны и семантические причины изменения приставки; например, в словацком формы с префиксом *u-* регулярны: *upit' sa* ‘упиться’ *upit' si* ‘отпить чего’ (VSRS 5: 231), обычны они и для чешского: *upití*, n. – das Abtrinken = *napití*, *opilst*, die Trunkenheit; *upíjeti* – *odpiti*, ab-, wegtrinken; *opiti*, *betrinken*, *berauschen*; *pitím přemoci*, Jemanden übertrinken. Jg. Sv. *Lucie noci upije* (od 13. 12. dne již neubývá), an Lutze thut der Tag stutze ... (Kott: 383) (последняя календарная паремия хорошо известна и словакам).

Безусловно, предложенная гипотеза требует основательной этимологической проработки, объяснения всех фонетических и др. изменений в различных наименованиях вампира. Формальных трудностей в ней не больше, чем в любой другой, предложенной ранее. Вместе с тем новая версия опирается на этнографические и культурные данные, мифологический контекст более широкого круга представлений о смерти и посмертной жизни.

Литература

- Аникин, А. Е. 2012. *Русский этимологический словарь*. Вып. 6. Москва.
- Антропов, М. П. 1998. Белорусские этнолингвистические этюды: 1. колода / колodka. In: *Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого*. Том II. Москва, 21–33.
- Антропов, М. П. 2004. Белорусские этнолингвистические этюды: 2. Вызывание дождя (акциональный код). In: *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Москва, 190–216.
- Антропов, М. П. 2013. Белорусские этнолингвистические этюды: 3. «Куст» (часть первая) In: *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого*. Москва, 162–187.
- Белетич, М. – Лома, А. 2012. Сон, смерть, судьба (наблюдения над прасл. **tora*, **tara*) In: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной конференции*. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. В 2 частях. Екатеринбург, 159–160.
- БЕР = *Български этимологичен речник*. София 1971–.
- Березович, Е. Л. 2007. *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Москва.
- Березович, Е. Л. 2010. *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Мифопоэтический образ пространства*. Москва.
- БМ = *Българска митология. Энциклопедичен речник*. Составител А. Стойнев. София 1994.
- Валенцова, М. М. 2013. Словацкие «рефлексы» общеславянской мифологической лексики In: *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого*. Москва, 316–343.
- Васильев, В. Л. 2013. Славянская колонизация Русского Северо-Запада в свете ономастики In: *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов*. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. Москва, 17–35.

- Власова, М. Н. 1995. *Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь*. Санкт-Петербург.
- Дукова, У. 1980. Названия на демонични същества от общослав. *тог-* в българския език (Морá, Морáва, Мáра, Мáрен, Марóй, Марóкі) In: *Език и поетика на българския фолклор*. София, 108–113.
- Геров = Геров, Н.: Ръчник на българский языкъ. Часть пръва. Пловдивъ 1895.
- ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*. Т. 1–6. Київ 1982–2012.
- Журавлев, А. Ф. 2005. *Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»*. Москва.
- Зайцева, Н. И. 1975. *Мифологическая лексика в чешском и словацком языках*. Дисс. канд. филологических наук. Минск.
- Зубов, Н. И. 1982. *Древнерусская теонимия (проблема собственного и нарицательного)*. Дисс. канд. филологических наук. Одесса.
- Зубов, М. І. 2010. Кілька етимологічних зауважень до назв слов'янських міфологічних персонажів. *Мовознавство*, 2010/2–3, 113–123.
- Иванов, В. В. – Топоров, В. Н. 1974. *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции ректов*. Москва.
- Иванов, В. В. 1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. *Известия АН СССР, Серия литературы и языка* 34/5, 399–408.
- Иванов, В. В. 1983. *История славянских и балканских названий металлов*. Москва.
- Иванов, В. В. 2007. Балканские имена «вурдалака» и их происхождение In: *Балканские чтения 9. Terra balkanica / Terra slavica / К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян*. Москва, 70–79.
- Иванов, В. В. 2008. Развитие *(-)tl-, (-)dl- > (-)kl-, (-)gl- в циркумбалтийской языковой зоне и диалектное членение праславянского In: *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации*. Москва, 249–275.
- КБДЛ = *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура*. Москва 2008.
- КБДЛ 2 = *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура 2009–2011*. Вып. 2. Москва 2012.
- Климова, К. А. 2008. *Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской*. Дисс. канд. филологических наук. Москва.
- МНМ = *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 1, 2. Москва 1997.
- Нимчук, В. В. 1988. Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы). In: *Общеславянский лингвистический атлас 1984*. Москва, 294–313.
- Новичкова, Т. А. 1995. *Русский демонологический словарь*. Санкт-Петербург.
- ПА ИСл РАН = *Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва*.
- Плотникова, А. А. 1994. Слав. *viti в этнокультурном контексте. In: *Балканские чтения-3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума*. Москва, 100–103.
- Плотникова, А. А. 2004. *Этнолингвистическая география Южной Славии*. Москва.
- Плотникова, А. А. 2006. Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте In: *Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики*. Москва, 7–19.
- Преображенский, А. 1910–14. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва.
- СД = *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общей ред. Н. И. Толстого. Москва, Т. 1. 1995. Т. 2. 1999. Т. 3. 2004. Т. 4. 2009. Т. 5. 2012.
- Седакова, И. А. 2003. Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством) In: *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады рос. делегации*. Москва, 534–549.

- 64 Валенцова
- Спировска, Л. – Вражиновски, Т. 1988. *Вампирите во македонските верувања и преданија*. Скопје.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Москва 1965-.
- Толстая, С. М. 2006. Культурная семантика и этимология. In: *Studia Etymologica Brunensia*, 3. Praha, 415–428.
- Толстая, С. М. 2007. Почему слепой не видит? (к этимологии слав. *slěp-) In: *Словенска этимологија данас. Сборник симпозијума одржаног од 5 до 10 септембра 2006 године*. Уредник А. Лома. Београд, 409–419.
- Толстая, С. М. 2008. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва.
- Толстой, Н. И. 1979. Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры. In: *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-восточной Европы. Итоги и перспективы исследований*. Москва, 17–26.
- Толстой, Н. И. 1985. Язык и этнолингвистика. *Общественные науки* 1985/4, 147–160.
- Толстой, Н. И. 1989. Некоторые соображения о реконструкции славянской духовной культуры. In: *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы*. Москва, 7–22.
- Толстой, Н. И. 1995. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва.
- Толстой, Н. И. 1997. *Избранные труды*. Т. 1. *Славянская лексикология и семасиология*. Москва.
- Толстой, Н. И. – Толстая, С. М. 1978. К реконструкции древнеславянской духовной культуры. (Лингво-этнографический аспект) In: *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. Загреб – Люблина, сент. 1978 г. Москва, 364–385.
- Толстой, Н. И. – Толстая, С. М. 1993. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-*) In: *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. Москва, 162–186.
- Топоров, В. Н. 1984. *Прусский язык. Словарь*. К–Л. Москва.
- Топоров, В. Н. 2004. *Исследования по этимологии и семантике*. Т. 1 *Теория и некоторые частные ее приложения*. Москва.
- Трубачев, О. Н. 1967. Из славяно-иранских лексических отношений In: *Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам*. Москва, 3–81.
- Трубачев, О. Н. 2004, 2008, 2009. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Москва, Т. 1–2. 2004. Т. 3. 2008, Т. 4. 2009.
- Усачева, В. В. 1977. Об одной лексико-семантической параллели (на материале карпато-балканского обряда «полазник») In: *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. Москва, 21–76.
- Фасмер, М. 1986–87. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Изд. второе. В 4-х томах. Москва.
- Хобзей, Н. 2002. *Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник*. Львів.
- Черепанова, О. А. 1983. *Мифологическая лексика Русского Севера*. Ленинград.
- ЭСБМ = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Мінск 1978-.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*. Москва 1974-.
- AT ÚEt – *Archív textov Ústavu Etnológie SAV, Bratislava*.
- Baranowski, B. 1981. *W kręgu upiorów i wilkołaków*. Łódź.
- Blagoeva-Neumanová, T. 1976. *Ludová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov*. Rigorózna práca. Bratislava.
- Brückner A. 1927. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.

- Budziszewska, W. 1991. Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane. In: *Studia z filologii polskiej i slowiańskiej* 27, 17–23.
- Dukova, U. 1983. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. *Балканско езикознание / Linguistique balkanique* 26/4, 6–46.
- Dukova, U. 1985. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. III. Entlehnungen. *Балканско езикознание / Linguistique balkanique* 28/2, 5–62.
- EIKS = *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Diel 2. Bratislava 1995.
- GM = Ján Michálek a kol.: *Gemer–Malohont. Národopisná monografia*. [Martin, 2011.]
- Holub, J. – Kopečný, F. 1952. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- Horehronie = *Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu*. Bratislava 1969.
- Kott = Kott, F. Š.: *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický*. Díl čtvrtý. T–Y. Praha 1884.
- Machek, V. 1968. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- Michálek 1989 = Michálek a kol.: *Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu)*. Košice 1989.
- Rejzek, J. 2001. *Český etymologický slovník*. Voznice.
- Skok, P. 1971–74. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Surađivao V. Putanec*. T. 1–4. Zagreb.
- SSN = *Slovník slovenských nářečí*. Bratislava 1994–.
- Sychta = Sychta, B.: *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T. 3. Wrocław – Warszawa – Kraków 1969.
- Treder, J. 1989. *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównawczym)*. Wiejherowo.
- Vážný, V. 1955. *O jménech motýlů v slovenských nářečích*. Bratislava.
- VSRŠ = *Veľký slovensko-ruský slovník*. Diel I–VI. *Большой словацко-русский словарь*. T. I–VI. Bratislava 1979–1995.

